

3. Каропова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 4. – С. 212–229.

4. Конышев В. Н., Парфенов Р. В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 12. – С. 56–66.

5. Карасев П. А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны // Международная аналитика. – 2022. – № 13 (2). – С. 79–94.

6. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Компьютерные сетевые атаки как акт агрессии в условиях развития современных международных отношений: pro et contra // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 59–65.

7. Порецкова А. А. Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 2 (40). – С. 19–33.

8. Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. – 2012. – № 1 (2). – С. 87–97.

9. Тимошков С. Г. Кибератака как современная форма совершения акта агрессии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2017. – № 1 (7). – С. 127–135.

10. Gianpiero G. Cyber-Attacks as Aggression Crimes in Cyberspace in the Context of International Criminal Law // European Journal of Social Sciences Studies. – 2020. – Vol. 4, Iss. 1. – Pp. 40–46.

11. Värk R. The Legal Framework of the Use of Armed Force Revisited // Baltic Security & Defence Review. – 2013. – Vol. 15, Iss. 1. – Pp. 56–94.

12. Woolley S.C., Howard Ph. N. Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media. – New York: Oxford University Press, 2019. Pp. 3–20. – 263 p.

Т. М. Лопатина,

доктор юридических наук, профессор,
Смоленский государственный университет

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается влияние процесса цифровизации общества на правовую сферу, в частности на уголовное право и уголовное судопроизводство. Обоснована точка зрения о том, что развитие технологии искусственного интеллекта приведет к трансформации экономики, общества, что требует, в свою очередь, модификации права и пересмотра существующей уголовно-правовой системы. Предметом изучения выступили возможные риски в сфере уголовно-правового регулирования в условиях нарастающего доминирования цифровых технологий, недостаточно исследованные в отечественной науке уголовного права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, квалификация преступлений, цифровое судопроизводство, компьютерные преступления, цифровые технологии

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF CRIMINAL

Abstract. The article examines the impact of the process of digitalization of society on the legal sphere, in particular, on criminal law and criminal proceedings. The author substantiates the point of view that the development of artificial intelligence technology will lead to the transformation of the economy and society, which in turn will require modification of law and revision of the existing criminal legal system. The subject of the study was the possible risks in the field of criminal law regulation in the context of the increasing dominance of digital technologies, insufficiently investigated in the domestic science of criminal law.

Keywords: digital technologies, legal regulation, artificial intelligence, qualification of crimes, digital legal proceedings, computer crimes

Введение. Движителем развития цивилизации является научно-технический прогресс, который формирует новые экономические реалии и влечет соответствующие изменения в правовом регулировании. Так, первая промышленная революция XIX века (1760–1840-е годы) инициировала переход к механическому производству, что привело к созданию новых средств транспортировки грузов и расширению рынков сбыта. Научно-технические достижения на фоне буржуазных революций выступили катализатором качественных изменений в праве и его формирование в привычных для нас формах. Например, формирование института частной собственности (Гражданский Кодекс Наполеона) и его уголовно-правовая охрана под угрозой смертной казни, пожизненных или срочных каторжных работ (ст. 381, 382, 385, 400 Уголовного Кодекса Франции 1810 г.) [7].

Вторая промышленная революция (70-е годы XIX века – 60-е годы XX века) характеризуется промышленным бумом, обеспеченным электрификацией и конвейерным производством, урбанизацией населения и значительными правовыми новациями, изменившими структуру всей системы права. Появились новые отрасли права, расширился перечень объектов уголовно-правовой охраны.

Третья революция, так называемая информационная, произошла в середине 20-го века под эгидой Соединенных Штатов и отмечена массовой автоматизацией, компьютеризацией и роботизацией производства. В уголовные кодексы вводятся нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, противоправные действия в отношении программного продукта криминализируются.

В настоящее время дискутируется вопрос о начале периода четвертой промышленной революции, опирающейся на использование искусственного интеллекта и производство продукции обучающимися машинами.

Основная часть. Четвертая промышленная революция подразумевает интеграцию искусственного интеллекта, квантовых вычислений, автономных роботизированных процессов в повседневную жизнь человека и общества. Все это

неизбежно ведет к ускорению технического прогресса и движению к некой точке: технологической сингулярности, после чего люди превратятся в киборгов, или киборги будут вести себя как люди. Широкое государственно-частное применение цифровых технологий кардинально меняет среду пребывания, формируя новые формы взаимодействия между субъектами общественных отношений. В обозначенных условиях глобальной цифровизации имеет место нарастающая проблема адекватного правового регулирования системы управления цифровыми социально-правовыми отношениями.

В рамках формирующейся новой среды традиционные инструменты правового регулирования становятся не эффективными. Требуется переосмысления сущности права. Инновации должны получить соответствующее законодательное оформление в уголовном праве и уголовном процессе. Например, Великобритания уже внедрила виртуальные судебные процессы, в которых все участники взаимодействуют через выделенную защищенную сеть. Саудовская Аравия перешла на электронное ведение уголовных дел. Соединенные Штаты разработали Электронный уголовный кодекс. Между тем Российское традиционное материальное право продолжает существовать в аналоговом режиме, медленно реагируя на стремительное движение общества к цифровому формату.

Появление нового вида преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий увеличило общественную опасность всей преступности и степень криминогенности глобальной сети Интернет. Констатируется двоякая ситуация, при которой, с одной стороны, имеет место процесс «цифровизации» преступности, к примеру наркопреступности, с другой – потенциал уголовного закона по противодействию преступности оказывается недостаточным, например, в части обеспечения наркобезопасности общества. В связи с этим следует разделить позицию С.Я. Лебедева о «явной неготовности нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены» [2. С. 17–25]. Очевидна необходимость в условиях развития технологий искусственного интеллекта объединения профессиональных потенциалов экономистов, юристов и IT-специалистов с целью создания условий для трансформации права и решения проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства. В противном случае существует угроза кризиса правоприменения.

Повышенная общественная опасность цифровой преступности обусловливается доступностью информационных технологий для рядового пользователя, увеличение количества граждан, имеющих навыки работы с компьютером. «Динамика прироста преступлений в сфере компьютерной информации с 2017 по 2019 годы составила 165 %» [3]. За 2023 год прирост преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составил +29,7 % (67 6951), а их удельный вес возрос до +25,8 %. К примеру, рост только компьютерных мошенничеств в сравнении с 2022 годом составил +38,2 % (35 6079). «По данным Генеральной Прокуратуры РФ число IT-вымогательств в 2023 году выросло на 10 % в сравнении с 2022 годом и достигло 79 %» [3]. Данный вид преступлений характеризуется возможностью совокупности с иными преступлениями, например, преступлениями террористического характера или экстремистской направленности.

Наиболее распространенными являются следующие способы совершения цифровых преступлений:

- использование социальных сетей (через несанкционированный доступ к персональным аккаунтам пользователя сети Интернет). Преступник просит номер мобильного телефона жертвы, со счета которого похищаются деньги, либо он используется как промежуточное звено для перевода чужих денежных средств в мошеннической цепи, чтобы запутать следы.

- Звонок от псевдо-представителя банка, когда преступник от имени сотрудника банка сообщает о подозрительных действиях по карте гражданина (например, кто-то пытается оформить кредит). Получив необходимую информацию о реквизитах карты, преступник похищает денежные средства с банковского счета.

- Предоплата, когда преступник, выступая в роли покупателя, находит продавца на интернет-площадке и в процессе переписки сообщает, что готов совершить покупку и уже отправил предоплату. Для получения денежных средств жертва мошенника переходит по ссылке на поддельную страницу официального сайта банка. Получив таким образом доступ к конфиденциальным сведениям продавца, преступник совершает хищение.

- Использование приложений «Авито», когда преступник размещает объявление на интернет-площадке о продаже товара по низкой цене. Во время общения с покупателем преступник предлагает оформить доставку. Для оплаты услуги покупателю высылается ссылка на поддельную страницу торговой площадки, где просят ввести данные его платежной карты, потом применяется обычная схема обмана покупателя.

Приведенный перечень не является исчерпывающим, поскольку способы совершения цифровых преступлений транслируют определенное противоречие между их комбинаторностью и устойчивой повторяемостью. По мнению В. Н. Карагодина, «типизация подобных методов будет повышаться по мере разработки экспертных программ, предназначенных для оценки и корректировки уже реализуемых программных средств» [1. С. 19].

При нарушении общественных отношений с применением цифровых технологий уголовно-правовое регулирование охватывает следующие сферы, а именно:

- криминализация деяний, в которых цифровые технологии выступают способом преступной деятельности. Уголовное законодательство не успевает своевременно реагировать ввиду разнообразия и вариантности преступной деятельности. Например, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ч. 2 ст. 205² УК РФ) были криминализованы Федеральным законом № 153-ФЗ в 2006 году, а мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ) – Федеральным законом № 207-ФЗ в 2012 году;

- проблематика современного уголовного права должна быть ориентирована на решение вопроса об уголовной ответственности органоидного искусственного интеллекта в качестве субъекта права.

Заключение. Таким образом, стержневой составляющей новой производственной революции, без сомнения, являются информационные технологии. Применительно к сфере уголовно-правовых отношений актуализируются следующие ключевые составляющие.

Во-первых, цифровая форма уголовного судопроизводства и решение проблем квалификации преступлений с применением новых информационных технологий. Относительно последнего, интересным выглядит предложение о принятии Федерального закона РФ, легализующего применение судебной психологической экспертизы по выявлению признаков достоверности информации (полиграф) как одного из инструментов формирования доказательственной базы. По мнению С. А. Роганова, «с развитием науки перечень технических средств, используемых в судопроизводстве для получения доказательств в целом и при производстве отдельных процессуальных (следственных) действий в частности, пополняется. Полиграф должен быть включен в законодательный перечень технических средств, допустимых при допросе» [4. С. 45].

Противоположной позиции придерживается Верховный Суд РФ, который по кассационным жалобам осужденного Орлова Е. С. и потерпевшей П. на приговор Ленинградского областного суда от 21 мая 2021 года и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 16 августа 2021 года указал, что «для психофизиологического исследования с использованием полиграфа, отсутствуют научно обоснованные методики, что не позволяет использовать полученные результаты в качестве доказательства по делу» [8].

Обозначенные кардинально разнящиеся подходы к возможной легализации полиграфа демонстрируют аналоговость уголовного судопроизводства в части возможности использования технических средств для формирования доказательственной базы и не снимают остроты проблематики применения иных технических инноваций.

Во-вторых, использование информационных технологий при принятии сначала администрацией исправительного учреждения, а затем и судом решения об условно-досрочном освобождении заключенного (например, компьютерное отслеживание динамики позитивного изменения нравственного профиля осужденного), а также информатизация процесса контроля при условно-досрочном освобождении как один из современных методов снижения рецидивной преступности.

Анализ уголовной статистики МВД России свидетельствует о сохранении на значительно высоком уровне в общеуголовной преступности доли рецидивной преступности. «Лицами, ранее совершавшими преступления, совершается до 60% новых преступлений. В структуре рецидивистов 46% занимают лица с двумя и более судимости. В течение года после освобождения из исправительного учреждения рецидив допустили 8,0 % освобожденных» [6. С. 19–22]. Одной из причин рецидива является неэффективность мер социально-правовой профилактики преступности, что обуславливает необходимость применения определенного набора технических средств для мониторинга поведения осужденных (например, электронного мониторинга), а также лиц, условно-досрочно освободившихся. Практика других государств в рассматриваемой сфере свидетельству-

ет о том, что система электронного мониторинга давно применяется к осужденным на срок не более трех лет в Австрии, а в Эстонии СЭМПЛ применяется ко всем осужденным, подлежащим условно-досрочному освобождению.

В-третьих, необходимость реагирования на цифровую эпидемиологию как новейший инструмент мониторинга, к примеру, за потреблением и распространением наркотических средств и психоактивных веществ.

Противодействие процессу адаптирования технологии искусственного интеллекта, нейросетей к применению в криминальном бизнесе, что позволит существенно расширить организованные формы преступной деятельности, требует ускорения и технической инновации. В качестве примера можно привести деятельность по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Следует признать рациональное зерно в позиции В. С. Соловьева в части того, что «применение нейросетевых технологий для идентификации наркомаркетов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также анализ и систематизация информации о их деятельности положительным образом отразится на эффективности противодействия наркопреступности» [5. С. 349–360].

Таким образом, современная действительность характеризуется цифровизацией всех сторон жизни общества. Этот процесс является необратимым и его всеобщее влияние будет только нарастать как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменительной деятельности, обозначая для науки новые аспекты исследований. При этом, проблематика, связанная с правовыми последствиями причинения вреда искусственным интеллектом и вопросами его возмещаемости, а также создание компьютерных алгоритмов квалификации преступлений и цифровых платформ уголовного судопроизводства, остаются пока без решения. Видимо присутствует опасение, что решение, выданное с использованием технологии искусственного интеллекта, не будет отвечать принципу справедливости. Может ли компьютер учесть все жизненные обстоятельства совершения общественно опасного деяния? Эти вопросы являются дискуссионными в ближайшей научной перспективе.

Список литературы

1. Карагодин В. Н. Особенности способов преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Академическая мысль. – 2020. – № 2(11). – С. 17–20.
2. Лебедев С. Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 4(55). – С. 17–25.
3. Никуленко А. В. Отдельные вопросы кибербезопасности в современном мире: взгляд дилетанта (возвращаясь к теме) // Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле. – URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27> (дата обращения: 03.07.2024).
4. Роганов С. А. Правовые основы использования полиграфа в правоохранительной деятельности Российской Федерации: учеб. пособие. –СПб.: Изд-во СПб ГЭУ, 2018. – 67 с.

5. Соловьев В. С. Криминологические риски применения технологии искусственного интеллекта в незаконном обороте наркотиков // Юридические науки. – 2021. – Т. 7(73), № 4. – С. 349–360.

6. Филиппова О. В. Структура российской рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 19–22.

7. Уголовный кодекс 1810 г. – URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio50 (дата обращения: 02.09.2024).

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 33-УД22-11-А2. – URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28062022-n-33-ud22-11-a2> (дата обращения: 06.09.2024).

Ю. Ю. Малышева,
кандидат юридических наук, доцент,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗЯТКИ И ПОДАРКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Целью исследования является разграничение взятки и подарка в уголовно-правовом аспекте данных категорий, которые сегодня беспрепятственно существуют в цифровом пространстве, а также разделение изучаемых понятий в теории и на практике, что иногда представляется крайне сложным. Сложности правоприменения заключаются в том, что нередко взятку принимают за подарок, и наоборот, поэтому мы постарались в своей научной статье дать весьма четкие критерии разграничения. Цифровое пространство современного мира дает колоссальные возможности для получения и дачи взятки, для дарения и принятия подарков, но будучи предельно схожими по форме и содержанию, взятка и подарок до сих пор не нашли должного разграничения в уголовно-правовом поле. Острота проблемы разграничения взяточничества как наиболее яркого коррупционного преступления современности с обычным принятием подарков не вызывает сомнений, поскольку с ней сталкивается каждый преподаватель, каждый доктор, государственные служащие, работники правоохранительных органов и многие другие. Установление допустимых границ и условий дарения и принятия подарков является важнейшим фактором отграничения подарка от взятки, являющимся для теории и практики уголовного права камертоном определения ясного понимания глубокого смысла данной категории.

Ключевые слова: взятка и подарок в цифровом пространстве, разграничение взятки и подарка в уголовно-правовом поле, коррупционное преступление, коррупция, цифровые технологии, подарок, взятка, цифровое пространство